

городской жизни, например, практики волонтерства, увеличивает количество позитивных откликов о своем городе. Получается что культурный багаж города, участие в этих процессах самих молодых людей, меняет общую ситуацию даже в условиях социально-экономического неблагополучия.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00456.

Литература

1. Борисенкова А. Польша Рикер и социология события // Гефтер. 15.11.2013. URL: <http://gefeter.ru/archive/10544> (дата обращения: 17.03.20).
2. Веселкова Н. В. Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Молодые города: масштабы мест памяти // Социологическое обозрение. 2017. Том 16. № 3. С. 36–66.
3. Говорит Сатка : сайт. URL: <http://govoritsatka.ru/facts/transformatsiya-gorodatsatki> (дата обращения: 17.03.20).
4. Корпоративные будни. 13.08.2019 // Всалде: сайт. URL: <http://vsalde.ru/saldanews/vsmpro/16214-korporativnye-budni-13082019.html> (дата обращения: 17.03.20).

УДК 265

Шумилова П. А.

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА И ОПЫТ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ КАК СПОСОБ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация: в статье представлено краткое описание полевого исследовательского опыта, накопившегося в процессе многолетнего исследования формирования, развития и функционирования культурной идентичности при взаимодействии мигрантов из стран Центральной Азии и принимающего Российского сообщества. Показана эффективность использования анализа такого опыта для изучения культурной идентичности через ее проявления на практике.

Ключевые слова: культурная идентичность, иноэтничные мигранты, исследовательский опыт, Центральная Азия.

Shumilova P. A.

THE ROLE OF CULTURAL IDENTITY IN THE INTERACTION OF MIGRANTS WITH DIFFERENT ETNISITY AND THE HOST COMMUNITY, AND THE RESEARCHER'S EXPERIENCE AS A WAY TO STUDY IT

Abstract: the article presents a brief description of the field research experience accumulated in the course of many years long research of the cultural identity formation, development and functioning in the interaction between migrants from Central Asian countries and the host Russian community. The effectiveness of using the analysis of such experience to study cultural identity through its manifestations in practice is shown.

Keywords: cultural identity, migrants with different ethnicity, research experience, Central Asia.

© Шумилова П. А., 2020

Социологу как ученому-исследователю приходится намного сложнее в деле производства научного знания, в рамках соблюдения необходимого условия — отстраненности наблюдателя от предмета исследования, чем, например, ученым точных наук — физикам, математикам, химикам и т. д. Социолог всегда является заложником части определенного социального круга со своими установками, солидарностями, коллективными представлениями и категориями, так или иначе проявляющимися в работе и влияющими на конечный результат [1]. Безусловно, исследователь, стремясь к получению качественного научных выводов, старается максимально исключить свои внутренние интенции относительно предмета и объекта изучения, но, обращаясь к практическому опыту, становится очевидной правота А. Шюца, указывающего на значительное и неотъемлемое влияние «запаса наличного знания» ученого на ход и результат исследований [2, с. 295].

На разных исторических этапах развития методологии социологической науки присутствовала полемика о допустимой степени включенности исследователя в процесс исследования — от стремления к полному исключению (в соответствии с Декартом) до активной интервенции (Турен) [3, с. 124]. В рамках многолетней исследовательской работы в области отношений трудовых мигрантов из стран Центральной Азии и принимающего российского сообщества были проведены несколько исследований, как качественных, так и количественных.

Первым стал анкетный опрос среди мигрантов ($N = 231$), проведенный в 2016 г. Инструментарий содержал максимальное количество закрытых вопросов, поскольку серьезной проблемой при общении с респондентами-мигрантами являются незнание или очень плохое владение русским языком. Тем не менее, смысл вопросов приходилось передавать сильно упрощая изначальную форму, сокращая варианты ответов, а догадываться об ответе иногда приходилось интуитивно. Поэтому далее было решено провести глубинное интервью с записью на диктофон ($N = 27$, 2017 г.), чтобы снизить языковые ограничения интервьюеров и дать им возможность сформулировать ответ с помощью имеющегося у них русского словарного запаса. В результате стало очевидно иное препятствие, связанное с личностью интервьюера (автор статьи) — это культурное. Не сразу было осознано и прочувствованно отношение к собеседнице респондентов, обладающих исламской идентичностью, чаще все сельского происхождения и проживания, и, соответственно, воспринимающих ее сквозь эти призмы.

Первая реакция кандидатов на интервью — это опасения в связи исследователя с правоохранительными органами и отказ от сотрудничества. Это явилось причиной отказа от прохождения опроса еще на стадии обращения. Недоверие к незнакомым россиянам среди иноэтничных мигрантов находится на крайне высокой ступени.

Решением стали две стратегии, учитывающие национальные особенности респондентов:

1. Для представителей стран Узбекистана и Таджикистана. Поиск русских, которые на постоянной основе сотрудничают, то есть нанимают мигрантов из стран Центральной Азии для различного рода работ и через них обратиться к потенциальным интервьюируемым. Для мигрантов такой человек является в некотором роде «баем», то есть «хозяином» поэтому его просьбу скорее выполнят. Однако, он так же не мог обратиться напрямую к любому из работников. Представитель принимающего сообщества обращался с позиции более высокого статуса к старшему какой-либо группы мигрантов, и тот уже объявлял им об интервью и «разрешал» или «приказывал» поучаствовать в мероприятии. В зависимости от степени доверия к «русскому начальнику» в интервью принимали участие все, кому говорили, либо только имеющие особо аккредитованные люди. Например, братья, старшие сыновья руководителя, близкие друзья, которые фактически тоже родственники разной степени дальности, но достаточно опытные в деле проживания в России, то есть люди, которые не скажут того, чего не надо говорить по усмотрению лидера группы (часто для ответа на вопрос интервьюеры советовались со старшим).

2. Для представителей, а точнее представительниц Киргизии самой успешной стратегией оказалось оплата за интервью. Большой процент трудовых мигрантов из этой страны составляют женщины. Как правило, они чаще всего свободно встречаются одни, поскольку сферой их работы являются клининговые услуги в общественных местах, в общении с ними не возникало существенного языкового барьера (обучение русскому языку сохранено в Киргизии как школьная дисциплина). Однако женщины так же неохотно шли на какой-либо более расширенный вариант общения, тем более такое как интервью. На данное мероприятие участницы соглашались по указу руководства, или если видели понятную им выгоду. Например, помощь в получении невыданной им зарплаты («обратись как русская к русской»). Предложение денег становилось понятной мотивацией и мигрантки соглашались на интервью.

В процессе интервью опрашиваемые крайне скудно выдавали информацию о себе. Первым ограничением становился страх того, что ответы повлияют на их присутствие на территории России. Поэтому типовые вопросы вроде «хотите ли Вы здесь остаться навсегда» приходилось прятать в другие формулировки или логично списывать в контекст рассуждений, не акцентируя на этом внимание.

Вторым существенным ограничением было отношение мигрантов к интервьюеру с позиции культурного восприятия. Перед ними находился человек, имеющий нерасполагающий к равному общению статус: во-первых, — по гендерному признаку (женщина), во-вторых, — по религиозному (православная или что еще хуже — возможно, неверующая), в-третьих, — по принадлежности к городскому типу. Внешний вид так же не вызывал согласия на общение, особенно штаны и непокрытая голова. Таким образом, все вопросы (и само присутствие) интервьюера вызывали либо насмешку, либо раздражение (так как отвлекало от работы).

Для более глубокого понимания культурных особенностей, различий и совпадений между мигрантами из стран Центральной Азии и принимающего общества было решено провести исследование методом включенного наблюдения, для чего была предпринята поездка с недельным проживанием в узбекской деревне (Ферганская долина, деревня Каратепе, май 2019 г.). В результате стало понятно, насколько важно для более открытого общения религиозная принадлежность (причем быть христианином в разы достойнее, чем быть неверующим). Насколько важен возраст женщины. Чем моложе женщина, тем меньше права у нее обращаться к мужчине, к старшим женщинам, что автоматически исключало получение адекватных данных у автора статьи в связи с надменным недоумением представителей Центральной Азии. Четкое разделение на «своих» и «чужих» так же определяло недоверительное общение с исследователем иной национальности. В этой ситуации нельзя было рассчитывать на искреннее и равное отношение при проведении опроса, достаточно частой была ситуация полного отказа от общения. Для преодоления этих препятствий была выбрана стратегия трансляции интересующих вопросов через женщину, имеющую достойный возраст, схожие этно-фенотипические признаки, а так же приведение внешнего вида и поведения в соответствие с культурными нормами Средней Азии.

Последнее исследование проводилось в 2019 г. в Екатеринбургe в виде анкетного опроса и было количественным, поскольку все еще не хватало более объемных данных ($N = 222$). Чтобы снизить существенный «эффект интервьюера», обусловленный всеми перечисленными выше факторами, был выбран комбинированный метод работы интервьюера. Действуя в русле функционирования иерархически выстроенных социальных сетей среди мигрантов из стран Центральной Азии на территории России в рамках культурно и религиозно обусловленных правил общения через лидеров этих сетей, были опрошены молодые (до 30 лет) мужчины, неработающие женщины (жены, подруги жен, сестры) и даже студенты, сначала отказывающиеся принимать участие при обращении со стороны представителей других религиозных конфессий. Эффективным приемом была так же оплата за участие в опросе. И последний способ обращения — это работа напрямую, но на площадке Миграционного Центра, в котором приезжие решают проблемы с документами. В пространстве официального учреждения, в присутствии большого количества молодых русских женщин, по ощущению мигрантов наделенных властью, интервьюер-женщина воспринималась как часть этой структуры и респонденты соглашались отвечать на вопросы, хотя и приходилось объяснять, что это не официальная информация, спрашивать разрешения у старших среди групп мигрантов или мужей с женами. Так же часть опроса проводил мужчина, что тоже располагало респондентов к более открытому общению.

Очевидно, что при проведении и качественного, и количественного исследования в условиях работы с иноэтничными и инокультурными респонден-

тами личность исследователя имеет одно из первейших значений еще на стадии сбора информации. То, насколько вариативны подходы исследователя в этом процессе, определяет успешность не только получения информации в принципе, но и ее качества. К сожалению, исключить этот фактор, будучи представителем другой культуры, невозможно, что ярко высвечивает функционирование культурной идентичности в деле.

Немаловажным является и то, что процесс работы над исследованием является преобразующим для самого исследователя. Отмечая изменение отношение автора к мигрантам из стран Центральной Азии можно отметить развитие интолерантности, хотя в процессе всей работы внутренняя установка была направлена на поиск общего и сохранения ощущения человеческого единства, культурного и социального равенства.

Все вышеописанное является серьезным исследовательским опытом, изучение которого, следуя руслу витгенштейновской теории производства научного знания, то есть изучение практики получения этого знания «здесь и сейчас» [4, с. 129], дает значительное дополнение в понимании роли культурной идентичности при взаимодействии иноэтничных мигрантов и принимающего сообщества.

Литература

1. Вахштайн В. С. Социология научного знания от 26 ноября 2014. URL: <https://postnauka.ru/video/36710> (дата обращения: 22.02.2020).
2. Шюц А. Избранное. Мир, святиющийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004.
3. Готлиб А. С. Субъективность исследователя в социологическом исследовании: парадигмальные различия // Вестник СамГУ. 2012. № 5 (96). URL: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3231> (дата обращения: 24.02.2020).
4. Сокулер З. А. Витгенштейн и его место в философии XX в. Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1994. 169 с. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/03/12/1212061953/Vitgen_.pdf (дата обращения: 26.02.2020).

УДК 316.4.06

**Яновская Е. А.,
Беликова Е. О.**

РЕЛИГИОЗНАЯ ПАЛИТРА ЛАНДШАФТА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: в статье представлены результаты социологического исследования религиозной составляющей социокультурного ландшафта Волгоградской области. Авторы выявляют причины высокого уровня толерантности населения в ситуации разнообразия религиозной палитры региона. В работе также анализируется необходимость дальнейшего политического развития диалога между представителями религиозных организаций и властью.

Ключевые слова: религия, религиозное многообразие, толерантность, ландшафт, межрелигиозный конфликт.